Аукцион реальностей

Павел Кондратьев

Павел Кондратьев

Аукцион реальностей

«Автор»
2026

Кондратьев П. В.

Аукцион реальностей / П. В. Кондратьев — «Автор», 2026

Эдгар Минц выставил на аукцион самого себя. Через четыре минуты его захотели купить одиннадцать тысяч человек.На Вердант-7 можно приобрести всё, чего тебе не хватает: чужую уверенность, счастливое детство, память о победе — даже готовую личность. Президенты арендуют величие, а обычные люди копят на реальность подороже.Эдгар — незаметный чиновник с унизительно низким рейтингом. Единственное, что он предлагает покупателям, — «реальность обычного человека, который ни во что особо не верит». Но власти немедленно останавливают торги.Почему богатейшие люди галактики готовы заплатить за жизнь, которую сам Эдгар считал никому не нужной? И что случится с цивилизацией, если она узнает: самый дорогой товар на рынке — то, что невозможно купить?Остроумная сатирическая фантастика о цене чужого величия и роскоши оставаться собой.

© Кондратьев П. В., 2026
© Автор, 2026

Павел Кондратьев
Аукцион реальностей

АУКЦИОН РЕАЛЬНОСТЕЙ
Сатирическая фантастическая повесть
Павел Кондратьев

Глава первая. Дешёвый метр

Реальность-метр Эдгара К. Минца показывал 4,2 условной единицы — примерно столько стоила подержанная кофеварка в его квартале.

Прибор висел на запястье, как часы, только времени не показывал. Он оценивал, сколько окружающие готовы заплатить за твои воспоминания, убеждения, привычки и способы смотреть на мир. У человека с показателем выше ста просили автограф. Выше тысячи — приглашали в правительство. Ниже пяти — обычно просили не задерживать очередь.

Эдгара цифра устраивала. Кофеварка, во всяком случае, была полезной вещью.

Он работал в Департаменте учёта незначительных совпадений. Целыми днями сверял бланки о событиях, которые по отдельности ничего не значили, но вместе могли испортить планетарную статистику вероятностей: три разбитые чашки на одной улице, две свадьбы женщин с одинаковым именем, семь граждан, одновременно подумавших о рыжем коте.

Если совпадение вовремя зарегистрировать, оно оставалось совпадением. Если нет — им начинали интересоваться журналисты, страховые компании и Комитет реальности. В такой последовательности.

Начальник Эдгара, Вальдо Прим, пришёл после обеда в отличном настроении и в чужой походке.

— Сегодня я был министром финансов, — сообщил он, опускаясь на край стола. — Всего два часа, пробная аренда. Потрясающее ощущение. Любая глупость, которую произносишь, звучит как вынужденная мера.

Вальдо был Лицедеем — профессиональным носителем чужих реальностей. Он мог утром прожить четыре часа ветераном войны, днём стать знаменитой певицей, а вечером рекламировать пакет «Уютная старость без медицинских подробностей». Реальность-метр Вальдо держался около восьмисот и иногда самодовольно позванивал.

Сегодня вместе с министерской уверенностью Вальдо одолжил у кого-то и любовь к дорогому коньяку.

— Подержи, — сказал он и положил на стол Эдгара чёрную карточку. — Только не открывай.

— Что это?

— Доступ к Великому аукциону. Сегодня три президента продают национальные пакеты. Служебная скука высшего разряда.

— Почему карточка у меня?

Вальдо задумался. Чужая походка покинула его первой; объяснение — чуть позже.

— Потому что у тебя честное лицо, — решил он. — У людей с дешёвой реальностью всегда честные лица. Им не на что купить другое.

Он ушёл в кабинет и закрыл дверь. Через минуту оттуда донёсся храп человека, только что спасшего экономику целой планеты.

Эдгар посмотрел на карточку. Потом на стопку формуляров. В верхнем говорилось, что в четырёх районах столицы ровно в 12:03 граждане пожелали своим начальникам одного и того

же, причём формулировка совпала дословно. Бланк требовал выбрать причину: «статистический выброс», «влияние погоды» или «оправданная реакция».

Эдгар отметил третий вариант и вставил карточку в терминал.

Аукцион раскрылся над столом голубоватой полусферой. В центре вращались главные лоты:

«РЕАЛЬНОСТЬ ВЕЛИКОЙ МИРНОЙ ДЕРЖАВЫ. Незначительные пограничные конфликты в комплект не входят».

«НЕПОБЕДИМАЯ ЭКОНОМИКА. Временные трудности продаются отдельно».

«НАШИ ГРАЖДАНЕ — САМЫЕ СЧАСТЛИВЫЕ В ТРИНАДЦАТИ СИСТЕМАХ. Сведения о методике опроса засекречены».

Ниже шли частные предложения: счастливое детство без отца со скидкой; сорок минут искреннего возмущения в пробке; первая любовь, слегка потёртая, но ещё пахнущая сиренью. Быстрее всего раскупали «Твёрдую уверенность, что отпуск того стоил». Особенно по понедельникам.

В самом низу мигал пустой слот:

«ХОТИТЕ ВЫСТАВИТЬ СОБСТВЕННЫЙ ЛОТ?»

Эдгар усмехнулся. Продавать ему было нечего. Ни героических воспоминаний, ни модных убеждений, ни детской травмы, которую можно красиво упаковать и выпустить ограниченной серией. У него была только жизнь человека тридцати восьми лет, проверяющего бланки про совпавших котов, варящего картошку на ужин и не верящего, что вселенная обязана вознаградить его за терпение.

Он нажал «Выставить» — исключительно из профессионального любопытства.

«НАЗВАНИЕ ЛОТА?»

Эдгар набрал:

«Реальность обычного человека, который ни во что особенно не верит».

Система замерла. Так официант замирает, когда ему заказывают воду вместо вина.

«ОЦЕНОЧНАЯ СТОИМОСТЬ УТОЧНЯЕТСЯ. ПОЖАЛУЙСТА, ОЖИДАЙТЕ».

— Разумеется, — сказал Эдгар. — У вас даже ничто проходит экспертизу.

Он выключил экран и ушёл в служебную кухню чистить картошку. Варить её дома не имело смысла: коммунальный тариф после семи вечера возрастал вдвое, поскольку правительство называло вечернее электричество «роскошью частной жизни».

Когда Эдгар вернулся, терминал мигал алым.

Его лот собрал одиннадцать тысяч заявок за четыре минуты.

Первая ставка принадлежала президенту Кольдвена. Вторая — анонимному покупателю с правительственной гарантией. Затем появились банкиры, Лицедеи, три духовных наставника и фирма, торговавшая готовой харизмой для неудачных свиданий.

Ставки росли так быстро, что цифры сливались.

Реальность-метр на запястье Эдгара пискнул, показал 4,2, задумался и погас.

В дверь постучали дважды.

Вошли женщина в сером костюме и двое мужчин, одетых так безупречно, словно их костюмы могли давать показания в суде вместо владельцев.

— Гражданин Минц? — спросила женщина.

— Пока да.

— Советник Лея Вар, Комитет реальности. Ваш лот временно приостановлен.

— Почему?

— Проверка подлинности.

— Там нечего проверять. Я действительно ни во что особенно не верю.

Советник посмотрела на него с плохо скрытой тревогой.

— Именно поэтому мы здесь.

Один из мужчин отключил терминал. Второй закрыл жалюзи.

На столе Эдгара лежала неочищенная картофелина, похожая на маленькую пыльную планету. Он взял нож и продолжил чистить.

— У вас обыск? — спросил он. — Или ужин?

— До окончания проверки вам запрещено изменять, копировать, передавать и подвергать риску выставленную реальность.

— То есть себя?

— Юридически это пока уточняется.

— А картошку мне можно?

Советник впервые сбилась.

— Что?

— Изменять. Копировать я её не умею.

Мужчины не улыбнулись. Советник тоже. Но в её глазах мелькнуло короткое желание это сделать — её собственное, неслужебное.

— Завтра в девять вас ждёт сенатор Кресс, — сказала она. — И совет: до встречи ничего не подписывайте.

— Я ничего и не собирался.

— Все так говорят до того, как узнают цену.

Она положила на стол уведомление. Внизу мелким шрифтом стояло:

«На период разбирательства гражданин Эдгар К. Минц признаётся предметом сделки с ограниченным правом самостоятельного распоряжения собой».

Эдгар перечитал фразу дважды.

— Интересно, — сказал он. — А если я не согласен?

— Тогда, — ответила советник, — вы уже начали понимать, почему ваш лот так дорого стоит.

Глава вторая. Одиннадцать тысяч покупателей

Комитет реальности занимал верхние этажи башни, которую архитекторы намеренно сделали выше облаков. Официально — ради безопасности. Неофициально — чтобы решения, принятые наверху, не пахли улицей.

Эдгара встретили три сканера, четыре секретаря и кофейный автомат, отказавшийся обслуживать клиента с неопределённым статусом собственности.

— Даже кофе понял быстрее меня, — заметил Эдгар.

Советник Лея Вар шла рядом и делала вид, что не слышит.

Кабинет сенатора Кресса был круглым. Это избавляло хозяина от необходимости отвечать на вопрос, в какой угол он загнал собеседника.

Сам Кресс оказался худым мужчиной лет шестидесяти с уставшими глазами и реальность-метром 76,8. Для сенатора — почти бедность. На столе не было ни фотографий, ни памятных предметов, только папка Эдгара и стакан воды.

— Садитесь, гражданин Минц.

— Это просьба или временное распоряжение моей собственностью?

Кресс поднял взгляд.

— Лея предупреждала, что вы упрямы.

— В уведомлении этого не было. Значит, пока принадлежит мне.

Сенатор жестом отпустил советника. Она задержалась на пороге, словно хотела возразить, но дверь закрылась.

Кресс развернул над столом список заявок.

— Вы видели число. Одиннадцать тысяч.

— У меня в отделе это называется массовым совпадением. Обычно выдаём форму НС-17.

— Среди покупателей — четыре действующих президента, двенадцать членов Комитета, владельцы трёх крупнейших банков и ваш начальник Вальдо Прим.

Эдгар перестал разглядывать потолок.

— Вальдо?

— Ставка небольшая. Видимо, надеялся, что вы не заметите.

— Зачем им моя жизнь?

— Не жизнь. Пока только ваша корневая реальность.

Кресс приблизил изображение. Появилась схема человеческого силуэта, пронизанного тонкими светящимися линиями.

— Обычный пакет — это копия опыта. Час храбрости, вечер влюблённости, навык входить в комнату так, будто она уже принадлежит тебе. Оригинал почти ничего не теряет. Но вы выставили не воспоминание и не убеждение. Вы выставили себя целиком.

— Система позволила.

— Система была создана людьми, которые считали, что никто не станет продавать вещь без рекламного описания. Вы написали правду. Алгоритм принял её за предложение корневого доступа.

— Объясните без схемы.

Кресс помолчал.

— Победитель сможет прожить вашу жизнь изнутри. Не отдельный день. Ваш способ отличать собственную мысль от чужой. Ваше равнодушие к одобрению. Способность не считать себя неудачником только потому, что так решил прибор.

— А что останется мне?

— Зависит от глубины извлечения.

— Неправильный ответ.

— Зато честный.

Эдгар откинулся на спинку кресла. Оно подстроилось под его тело, измерило пульс и предложило расслабляющую реальность «Разговор идёт лучше, чем кажется». Он отключил её.

— Снимите лот.

— Нельзя.

— Почему?

— Аукцион принял обеспечительные взносы. Сумма превышает годовой бюджет двух малых планет. Если сделку отменить без установленного основания, Комитет обязан вернуть деньги с компенсацией.

— И у Комитета их нет.

— У Комитета есть деньги, — холодно сказал Кресс. — Но они уже предусмотрены на более важные возвраты.

— Например?

— На те, которые могут потребовать люди опаснее вас.

Эдгар посмотрел на список. Его собирались купить не потому, что он чего-то достиг. Они хотели приобрести отсутствие необходимости казаться достигшим.

— Я не продаюсь.

— Эта фраза часто повышает цену.

Кресс повернул к нему ещё один документ.

— Есть выход. Добровольная проверка. Комитет введёт вам стандартный пакет «Реальность лидера». Если пакет приживётся, ваша заявленная независимость окажется преувеличенной, лот признают дефектным и снимут.

— А если не приживётся?

— Цена вырастет.

— И вы меня продадите?

— Мы исполним закон.

— Обычно так говорят люди, которые написали закон вчера вечером.

Уголок рта Кресса дрогнул.

— Пакет введут завтра. Процедура безопасна.

— Вы не спросили моего согласия.

— Согласно правилам аукциона, продавец обязан содействовать экспертизе.

— Я нажал кнопку из любопытства.

— Большинство катастроф начинается именно с этого, гражданин Минц. Злому умыслу редко хватает фантазии.

Кресс встал, показывая, что встреча окончена.

— До завтра вы останетесь под наблюдением. Лея проводит вас в гостиницу Комитета.

— У меня дома суп.

— Его доставят.

— Он вчерашний.

— Тем более переживёт государственное вмешательство.

В коридоре Лея ждала у окна. Под облаками мерцал город: реклама готовых характеров, аренды талантов, воспоминаний о путешествиях, в которые можно было не ездить. На соседней башне огромная женщина улыбалась прохожим:

«ВЫ НЕ ОБЯЗАНЫ ОСТАВАТЬСЯ СОБОЙ. ПОПРОБУЙТЕ ЛУЧШУЮ ВЕРСИЮ».

— Вы знали про корневое извлечение? — спросил Эдгар.

Лея не ответила сразу.

— Я знала, что такая процедура существует.

— Это не одно и то же.

— В Комитете различие между этими фразами считается профессиональным навыком.

Она вызвала лифт.

— Почему вы посоветовали ничего не подписывать?

— Потому что у меня метр 31,6, гражданин Минц. Достаточно высокий, чтобы понимать цену подписи, и недостаточно высокий, чтобы позволить себе совесть в рабочее время.

Двери лифта раскрылись.

Внутри стоял Вальдо Прим.

На нём была реальность пожилого врача: спокойные руки, добрый прищур и чужая привычка наклонять голову перед плохими новостями.

— Эдгар, — сказал он. — Я пришёл помочь.

— Ты сделал ставку.

Вальдо замер. Добрый прищур исчез, потом вернулся — уже хуже подогнанный.

— Символическую.

— Сколько?

— Две тысячи.

— У тебя нет двух тысяч.

— Поэтому я особенно надеялся проиграть.

Лея шагнула в лифт вместе с ними.

— Господин Прим, доступ посторонним запрещён.

— Я его непосредственный начальник.

— Он временно не является сотрудником вашего департамента.

— А кем является?

Лея посмотрела на Эдгара.

— Это и пытается установить Комитет.

В гостиничном номере Вальдо долго ходил от стены к стене, меняя походку через каждые несколько шагов. Врач уступал место артисту, артист — военному, военный — женщине, которая явно привыкла носить неудобные туфли.

— Остановись, — сказал Эдгар. — У меня от тебя кружится голова.

— Я не могу.

Вальдо снял с запястья метр. Цифра прыгала: 812, 54, 390, 7.

— В прошлом месяце я носил сорок одну реальность. Вчера проснулся и не смог вспомнить, как смеюсь сам. Не для рекламы. Не голосом клиента. Просто я.

— Поэтому ты хотел купить меня?

— На час. Я бы вернул.

— Себя нельзя вернуть, если не помнишь, что возвращать.

Вальдо сел. На секунду его лицо стало пустым и испуганным.

— Вот за это, — прошептал он. — За такие фразы они и дают одиннадцать тысяч ставок.

Эдгар подошёл к окну. Реклама напротив сменилась:

«УСТАЛИ СОМНЕВАТЬСЯ? УВЕРЕННОСТЬ ПРЕЗИДЕНТА — ТРИ ЧАСА ПО ЦЕНЕ ДВУХ».

— Завтра мне введут именно это.

— Не соглашайся.

— Моё согласие у них проходит техническую экспертизу.

Вальдо поднял голову. На этот раз в глазах не было ни врача, ни артиста.

— Тогда испорть им проверку.

— Каким образом?

— Пакет лидера работает только перед публикой. Без отклика он быстро распадается. Поэтому тебя не просто подключат. Тебя сделают президентом на сутки.

Эдгар посмотрел на него.

— Откуда ты знаешь?

— Я носил реальность заместителя Кресса на корпоративном празднике. У него отвратительный характер и превосходная память.

— И что делает президент?

— То же, что все остальные. Говорит людям, чего они хотят.

Эдгар снова посмотрел на рекламную женщину.

— Значит, придётся впервые попробовать обратное.

Глава третья. Президент без инструкции

Институт ежедневного президентства считался главной победой демократии Вердант-7.

Каждое утро любой гражданин мог выиграть страну на сутки. В шесть часов проводили жеребьёвку, к девяти победителю вручали ленту, к полудню он произносил речь, а в полночь возвращался к прежней жизни с памятной открыткой: «Я БЫЛ ГОЛОСОМ НАРОДА».

Настоящие договоры, налоги и войны вёл постоянный Комитет. Суточному президенту оставляли торжественные открытия, заявления о будущем и право переименовать одну улицу — при условии, что утром ей вернут старое название.

Эдгар выиграл жеребьёвку в день, когда в ней не участвовал.

— Случайность, — сообщил Кресс, закрепляя на нём ленту.

— Я пятнадцать лет регистрирую случайности. У этой есть подпись председателя Комитета.

Церемонию проводили в Белом зале. За стеклом ждали журналисты. Перед Эдгаром лежала капсула с золотистой жидкостью.

«РЕАЛЬНОСТЬ ЛИДЕРА. СТАНДАРТ. ДЛЯ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ И КРАТКОСРОЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ».

— Три часа уверенности, — сказал Кресс. — Пять часов ощущения, что народ вас любит. Незначительное послевкусие после прекращения действия.

— Какое?

— Грусть.

— Насколько незначительная?

— Достаточная, чтобы завтра снова подать заявку.

Лея Вар подключила капсулу к тонкому обручу у кресла.

— Я буду следить за показателями, — сказала она, не встречаясь с Эдгаром глазами. — Если станет плохо, поднимите левую руку.

— А правую?

— Правой вы будете приветствовать народ.

Игла вошла почти без боли.

Сначала Эдгар почувствовал тепло. Потом зал изменился.

Он не стал больше, но всё вокруг сделалось чуть меньше. Кресс превратился в подчинённого. Лея — в красивую подробность церемонии. Журналисты за стеклом — в аудиторию, обязанную ловить каждое его слово.

В голове появился готовый голос:

«Дорогие граждане. Сегодня мы открываем новую страницу…»

Фраза была удобной. В ней не было ни одного предмета, о который можно споткнуться.

— Что вы ощущаете? — спросила Лея.

— Желание открыть страницу.

— Какую?

Эдгар прислушался.

— Не уточняется.

Кресс удовлетворённо кивнул.

— Пакет приживается.

Эдгара вывели на балкон.

Площадь была заполнена людьми и дронами. Огромные экраны показывали его лицо с задержкой в долю секунды, достаточной, чтобы алгоритм убирал моргание и сомнение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.